

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«30 октября» обратилась к мемориальцам с вопросом о последних событиях в их региональных отделениях, и о том, как они вписываются в общественно-политическую картину страны.

КАК В ВАШЕМ РЕГИОНЕ ОТНЕСЛИСЬ К ПОПРАВКАМ В КОНСТИТУЦИЮ

ДМИТРИЙ ОКУНЦЕВ, ПЕРМЬ

«У моего окружения, как и у меня самого, примерно одинаковое отношение к выступлению Терешковой, к поправкам в Конституцию, которые принимаются не с помощью референдума, а с помощью непонятного голосования. У нас в городе был небольшой митинг (или пикет) протеста — довольно разношерстный, в котором участвовали и представители «Мемориала»»

НИКОЛАЙ АРАКЧЕЕВ, ЙОШКАР-ОЛА

«У государственных чиновников и официальных пропагандистов — позитивное, но без восторга. У всех остальных, с кем бы я ни общался, чью бы страницу или паблик ни смотрел, — отрицательное. Говорят, что президент заботится только о себе, о нас забыл. Пандемия помогла людям осознать, что вокруг происходит безобразие»

ВЯЧЕСЛАВ ПАЙКАЧЕВ, МУРМАНСК

«Все, что я слышал об этом, — люди высказываются либо равнодушно, или против. Я не слышал ни одного мнения «за» среди моего круга общения. В конце февраля был небольшой митинг, после которого меня пытаются привлечь к административной ответственности за якобы неправильное размещение листовок»

ДМИТРИЙ ПРИТЫКИН, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Мне сложно ответить на этот вопрос, мы далеки от этой проблематики»

Подробнее на с. 2 ➤

ПОКУШЕНИЕ НА ПАМЯТЬ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА»

Сегодня, 7 мая 2020 года, с фасада бывшего здания УНКВД по Калининской области (ныне здесь размещается Тверской государственный медицинский университет) сняты две мемориальные доски, установленные в 1991 году в память о жертвах сталинского террора. Надписи на демонтированных досках гласили: «В память о замученных. Здесь в 1930–50-е годы находилось Управление НКВД–МГБ по Калининской области и его внутренняя тюрьма» и «Памяти поляков из лагеря Осташков, убитых НКВД в Калининне. Ради предотвращения мира».

Демонтаж этих досок — не просто вандализм. Это преступление против истории, надругательство над памятью наших сограждан и польских военнопленных, убитых в подвалах этого здания, очередная попытка отрицания всем известных и многократно доказан-

ных документально преступлений сталинского режима.

Вдвойне отвратительно, что это было провокационно приурочено к кануну 75-й годовщины Победы. Тверские власти не остановились перед тем, чтобы осквернить наш праздник. Если правительство Российской Федерации не предпримет немедленных и решительных шагов, то на страницах газет всего мира статьи о юбилее Победы будут соседствовать с информацией об уничтожении в России памяти об одном из самых тяжких преступлений Второй мировой войны.

После демонтажа табличек «Международный Мемориал» обратился к Управлению ФСБ по Тверской области с запросом информации о расстрелянных органами НКВД в 1937–1938 годах в рамках «кулацкой операции» 4873 людях и месте

их казни. В запросе, в частности, говорится о пофамильных протоколах внесудебного органа (тройки УНКВД Калининской области, либо особой тройки УНКВД Калининской области, либо Комиссии НКВД СССР и

Окончание на с. 4 ➤

В УКРАИНЕ ВСПОМИНАЛИ О ЖЕРТВАХ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

Третье воскресенье мая в Украине — день памяти жертв политических репрессий. Он введен в 2007 году, когда третье воскресенье мая пришлось на день депортации крымских татар — 18 мая, и теперь эта дата всегда где-нибудь рядом. К этому дню Институт исторической памяти открыл Консультационный центр по поиску информации о жертвах политических репрессий.

статочно масштабным, сообщил «30 октября» Евгений Захаров, директор Харьковской правозащитной группы.

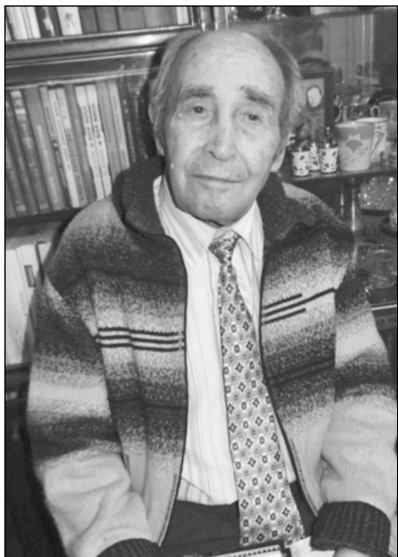
«Я получаю десятки писем в год — в среднем по письму в неделю», — сказал он, выделив две основные категории обращающихся. «Первые — это те, кто хотел бы узнать, где похороне-

ны расстрелянные родственники. В Харькове было несколько мест расстрела, и мы обычно говорим, что надо уточнить, когда был приговор — и в зависимости от этого можно назвать место расстрела. Вторая большая категория — это потомки раскулаченных, которые не могут смириться с тем, что у их предков отняли все имущество. Они обычно просят проконсультировать как можно вернуть утраченную собственность», — отметил правозащитник.

Данные находятся практически для всех обратившихся. «Сейчас открыты архивы СБУ и можно получить любую информацию, если она там есть. Например, к нам недавно обра-

Окончание на с. 3 ➤

ТУЛЬСКИЙ «МЕМОРИАЛ» БЕЗ СЕРГЕЯ ЩЕГЛОВА

Сергей Львович Щеглов. Организатор и первый руководитель Тульского общества «Мемориал», репрессированный, журналист и писатель, взятый псевдоним по названию лагеря, в котором сидел, — Норильский, краевед и публицист. Много повидавший и помогавший, прожил долгую жизнь. 4 марта 2020 года, на 99-м году жизни, его не стало.

Сергей Щеглов родился 19 сентября 1921 года в селе Ляхи Владимирской губернии в учительской семье. В 1925 году семья распалась, сына воспитывала мать. В 1937 году отец был арестован по политическим обвинениям и расстрелян в Горьком. Сергей жил с матерью в Муроме Владимирской области. В том же 1937-м аресто-

вали и мать, ее осудили на 10 лет лагерей, где она и умерла в августе 1947 года.

С 1937 года Сергей Щеглов работал в райпотребсоюзе, на малярной станции райздраводела, и учился в вечерней школе рабочей молодежи. По окончании десятилетки был принят в Московский областной педагогический институт на исторический факультет. Окончил первый курс 22 июня 1941 года и на следующий день был арестован НКВД СССР и отправлен на Лубянку. После почти года заключения в следственных тюрьмах Москвы и Омска — приговорен Особым совещанием НКВД по 58-й статье к 5 годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) за создание молодежной антисоветской организации. Виновным себя не признал. Срок отбывал в Норильлаге, работал на строительстве горно-металлургического комбината землекопом, каменщиком, взрывником на руднике, лаборантом в лаборатории, исполняющим обязанности инженера на заводе взрывчатых веществ. За добросовестный труд Щеглову сократили срок на три месяца, после освобождения он остался как вольнонаемный на ра-

Окончание на с. 7 ➤

Дорогие читатели!

Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». В 2020 году рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям сотрудников редакции.

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Возвращение к «Катынскому позору»? с. 3

Ян Рачинский — о поправках в Закон о реабилитации с. 4

Неизвестное ранее интервью Александра Вольпина с. 5

Как казаки из колхоза выходили с. 7

Почему привидения возвращаются с. 8

Историческая политика как зеркало с. 10

Восприятие темы ГУЛАГа в Италии и Франции с. 11

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

➤ Окончание. Начало на с. 1

В этой рубрике «30 октября» мемориальцы делятся вопросами, на которые у них нет ответов, рассказами об успехах, которые могли бы пригодиться коллегам, ошибках, на которых надо учиться. Мы будем рады отклику из всех регионов и от всех организаций независимо от числа членов или времени существования.

**ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ
ОКУНЦЕВ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ
РУКОВОДИТЕЛЯ
«МЕМОРИАЛА» В ПЕРМИ**

У нас никаких мероприятий не было. Каждый год первые три месяца связаны с написанием заявок на гранты.

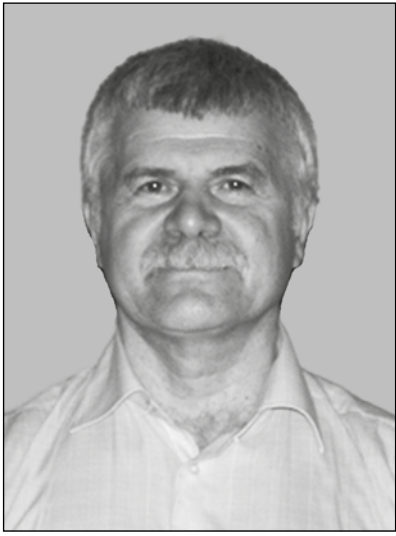
Один из проектов прошел на городской конкурс грантов, нам его одобрили. Будем в рамках этого проекта экспонировать выставки, расширять библиотеку по тематике политических репрессий. У нас есть выставки «Не забудьте нас» — о пермяках, репрессированных в 1930–1950-е годы, «Пермские политические лагеря» — о зонах Пермь-36, 35, 37 и «Папины письма» — это письма, адресованные арестантами ГУЛАГа своим детям. Все эти выставки с 2014 года колесят по краю.

С 2015 года у нас каждое лето проходят «Гражданские сезоны. Пермские дни памяти». В этом году тоже будем проводить в их рамках мероприятия: театральные постановки, экскурсии по выставкам, есть еще аудиопроменад «Зона голоса» по городу с наушниками, в которых рассказывается история посещаемых мест. Проводятся бардовские концерты.

Отношения с властью, так сказать, вялотекущие, это еще тоже нужно смотреть с кем конкретно. У нас в регионе есть две комиссии по восстановлению прав жертв репрессий: краевая и городская. Городская раньше работала, и там с 2014 года такой председатель был, что ни одно из заседаний не увенчалось принятием решений, за которыми должна последовать какая-то деятельность. Каждое заседание заканчивалось тем, что они принимали информацию к сведению, и всё. Около двух лет назад Роберт Латыпов, председатель Пермского «Мемориала», с единомышленниками в этой комиссии попытались заставить этот орган работать. Но это привело к тому, что городскую комиссию распустили. Назначили новый состав комиссии. Вскоре начнет работать новый состав, но тоже с препонами. Стоит отметить, что 20 мая Пермский краевой суд прекратил дело в отношении руководителя Пермского «Мемориала» Роберта Латыпова

**ВЯЧЕСЛАВ ПАЙКАЧЕВ,
МУРМАНСК**

У нас не происходило ничего примечательного. Некоторая группа молодежи интересовалась разными протестными ак-

циями, я им прочитал лекции по правам человека. Люди раньше были с Навальным, а потом поняли, что их больше интересуют права человека. Думаю, они ближе к анархистам, скорее всего, или к либертарианцам. Это было в феврале этого года. Изданий и книг не было.

В Мурманске нет музея ни ГУЛАГа, ни жертв репрессий. Был одно время музей у нас на квартире. Была раньше комиссия по помилованиям и правам человека, теперь осталась только по помилованиям, про права человека не вспоминают. Было время, когда установили в центре города памятник политзаключенным. Депутаты приходили класть цветочки, а теперь только сами граждане.

29 февраля партия «Яблоко» и «Мемориал» провели в Мурманске митинг по поводу путинских поправок в Конституцию. Власть нашли пару объявлений, которые были повешены где-то не так, и пытаются привлечь меня к административной ответственности. 14 мая должно было быть судебное заседание, но заседание перенесли. Молодежь хочет поучаствовать в заседании.

**НИКОЛАЙ АРАКЧЕЕВ,
ЙОШКАР-ОЛА**

Массовые мероприятия и встречи пока отменены, но резко активизировались общение и взаимный интерес, моральная поддержка по телефону. Все живы, ни одной потери за период пандемии — это главный показатель в жизни ветеранов. Ко Дню Победы пробили посылки от Совета ветеранов города подарки самым авторитетным труженикам тыла — детям войны из семей репрессированных. Вручили через посылного-волонтера.

В условиях карантина мы развиваем интернет-общение, общаемся и анализируем историческую информацию. Принимаем заявки на экскурсии в летний период. До запрета еженедельно проводили выездные авто- и пешие экскурсии по расстрельным полигонам пригорода столицы Марий Эл. Еженедельно мониторим, когда

же начнутся работы по исполнению требований протокола выездного заседания СПЧ РФ по ремонту и обустройству Музея ГУЛАГа и расстрельного полигона «Мендуры». В июне будет уже два года этому протоколу, но «воз и ныне там».

С нашими волонтерами мы ведем поисковую работу в «полях» — ищем в домашних и электронных архивах любые упоминания о репрессиях в Поволжье, о причастных к ним лицах: пострадавших, свидетелях, очевидцах, палачах.

В конце апреля у меня вышла статья в газете «Восход» о трудовых подвигах легендарного ээка — врача, журналиста, спортсмена, мастера спорта СССР, первого в истории России за 300 лет в номинации «Имя немецкого народа», а ныне нашего земляка Генри Ральф Джонстона-Левенштейна. Ему посвящен целый зал в нашем музее.

Наша большая победа и заслуга — на митинге 30 октября убедили заместителя главы правительства Марий Эл открыть 9 мая 2020 года мемориал «Никто не забыт...» на железнодорожной станции Сурок. Наконец-то увенчаны успехом 30-летние усилия по увековечению памяти солдат-новобранцев, замученных голодом и холодом в годы войны. Целая дивизия украинцев, татар, жителей восточных республик, Поволжья, Вятки, по данным наших следопытов, старожил и очевидцев, погибла в глубоком таежном тылу из-за небывалых по размаху и продолжительности злоупотреблений, жестокости и массового разгильдяйства со стороны местного военного командования. Хищения солдатских продуктов и обмундирования привели к массовому дезертирству курсантов-призывников, грабежам, мародерству и даже каннибализму. Последовала срочная инспекция наркома Ворошилова, а за ней — показательный расстрел командира дивизии перед строем солдат. Следом арестовали 46 офицеров тыла, заведующих складами и столовыми, и скорый трибунал в Казани приговорил всех к высшей мере наказания. Музей из года в год по крупицам собирает у родных и близких сочувствующих свидетельства трагедии: письма, фото, личные вещи курсантов — пополняя «черные списки» без вести пропавших новобранцев.

Взаимоотношения с местными властями как были, так и есть натянутые, некомфортные. В 2018 году сменился у нас губернатор, и все пошло по наклонной. У нас и так был «красный пояс» все 20 лет до этого. Но старый губернатор как-то нейтрально к нам относился, особо не поддерживал, но, самое главное, не мешал. Мы много сделали, открыли мемориал памяти жертв репрессий в 2013 году и музей в 2010-м.

Музей находится в «осином гнезде» — в бывшем здании НКВД. 10 лет наша просветительская площадка тяжелой артиллерией бомбила все позиции коммунистов, сталинистов. Были коммунисты, которые начинали нас поддерживать после первой же экскурсии, делавшей акцент на том, что Сталин почистил всех коммунистов. Впечатляющие каменные своды, деревянные полы, протертые каблуками энкавэдэшников, решетки на окнах — все так и осталось, мы ничего не меняли. Только на стены повесили материалы, которые у нас были, а они быстро пополнились, люди их сами приносили. По результатам опроса среди турагентств, мы вошли в тройку лидеров по популярности мест для посещения. Это вдохновляло нас, и мы работали без выходных.

В июне 2018 года мэр города прислал предписание о невозможности продлить договор о безвозмездной аренде помещения и извинился, что сверху поступила установка нас закрыть.

Я написал в Москву, в Совет по правам человека. После визита Михаила Федотова было принято решение переименовать музей истории в музей жертв политических репрессий, сделать ремонт за бюджетный счет и открыть музей через год или два как государственный. Это, с одной стороны, чтобы нас успокоить, но, с другой стороны, в государственном музее нам уже не будет места. А старое здание не надо было трогать, мы просили только крышу заменить, а реконструировать — не надо. Там все пропитано кровью. Там расстреляны самые видные деятели республики.

Прошло два года, ни одного пункта не выполнено, кроме того, что мы выехали. Для этого нам бесплатно предоставили транспорт и грузчиков. И свет в офис «Мемориала» провели, лампочку повесили. Музей же по-прежнему закрыт на ремонт. Правительство республики говорит, что денег нет. Думаю, ждут, когда у нас пропадет интерес или придут в негодность экспонаты музея, ведь некоторые из них находятся под открытым небом.

**ДМИТРИЙ ПРИТЫКИН,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

Основными направлениями Санкт-Петербургского Научно-информационного центра «Мемориал» являются архивная, просветительская работа, а также некрополистика советского государственного террора.

В архивной работе мы в первую очередь сосредоточены на оцифровке и помещении в публичный доступ документов по истории советского государственного террора и истории сопротивления режиму, которые мы собрали за 30 лет существования организации. Это личные архивы и отдельные документы людей, ставших жертвами тоталитарного государства, также это архивные материалы, которые в разные годы нам удалось получить в архивах (большинство из этих материалов в архивах уже опять закрыты и не выдаются исследователям, поэтому ценность этого блока нашего архива возрастает). Кроме того, это собственный архив организации: интервью, воспоминания, фонды периодики и самиздата, которые собраны за время нашей работы.

Все эти документы мы оцифровываем, описываем и размещаем в открытом доступе в специальной созданной базе данных. Эта работа продолжается уже 9 лет, на данный момент в этой базе более 25 000 документов, и мы продолжаем оцифровку и пополнение. Также мы активно занялись улучшением пользовательского интерфейса и сейчас занимаемся разработкой более удобного веб-представления этих материалов.

Второе крупное направление нашей работы — некрополистика советского государственного террора: кладбища спецпоселенцев, захоронения расстрелянных, лагерные и тюремные захоронения, — мы собираем, анализируем эту информацию и систематизируем ее. Уже 6 лет в Интернете существует созданная нами публичная картотека «Некрополь террора и ГУЛАГа», сейчас в ней размещена информация более чем о 400 таких местах на территории России. Кроме того, совместно с Институтом национальной памяти Эстонии мы учредили постоянный семинар «Некрополь коммунистического террора», в рамках которого археологи, антропологи, архивисты, краеведы и другие специалисты, работающие с некрополистикой террора на территории бывшего Советского Союза и стран Восточной Европы, занимаются обменом опытом и информацией. В 2019 году была проведена первая международная конференция по этой тематике, в которой приняли участие специалисты из 12 стран, в 2020 году планировалось проведение второй такой конференции, но сейчас из-за пандемии мы не можем с уверенностью сказать, состоится ли она.

В условиях пандемии мы немного изменили форматы нашей просветительской работы. Одним из постоянных наших направлений является изучение истории Соловецкого лагеря особого назначения. В этом году мы начали программу по истории СЛОНа, в которой, в частности, мы готовим серию подкастов, где будут представлены как материалы, собранные нашими исследователями, так и личные материалы узников: воспоминания, документы и так далее. Так, мы уже выпустили небольшой тематический цикл, посвященный празднованию Пасхи на Соловках в разные годы существования лагеря; также сейчас мы выпускаем серию подкастов, посвященных судьбе Евгении Исааковны Ярославской-Маркон (литератор, была арестована за побег с места ссылки и подготовку побега мужа из Соловецкого лагеря, расстреляна). Серия включает автобиографию, которую она написала, находясь в штрафном изоляторе, а также историю поиска архивных документов и восстановления биографии этой удивительной женщины. Уже более 20 лет мы в августе ежегодно проводим Дни памяти жертв советского государственного террора. Местами проведения этих Дней являются Мемориальное кладбище Сандормоха и Соловецкие острова. В последние годы эти акции стали не только исторически памятными, но и акцией поддержки современных политических заключенных в России, включая нашего коллегу Юрия Дмитриева. Пока мы надеемся, что этот год также не станет исключением и мы снова встретимся 5 августа в Сандормохе.

На протяжении всего прошлого года мы активно работали со студентами Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге и теперь, в рамках нашего проекта «Острова [не]Свободы», посвященного жизни Ленинграда-Петербурга в XX-XXI веке, мы публикуем материалы, которые подготовили студенты. Уже вышел материал на наших ресурсах, рассказывающий про историю ленинградского джаз-движения, готовятся новые публикации, которые будут выходить еженедельно.

*Рустам ДЖАЛИЛОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специальный доклад «30 октября»*

На снимках: Дмитрий Окунцев, Вячеслав Пайкачев, Николай Аракчеев, Дмитрий Притыкин. Фото из личных архивов спикеров и Натальи Иозеф

ПОКУШЕНИЕ НА ПАМЯТЬ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА»

➤ Окончание. Начало на с. 1

Прокурора СССР) и о пофамильных предписаниях на расстрел и пофамильных актах о расстреле 4873 человек, а также о месте (или местах), где производился расстрел людей, и месте (или местах) их захоронения.

13 мая более 70 научных сотрудников Российской академии наук подписались под открытым письмом, осуждающим демонтаж мемориальных табличек в память о жертвах сталинских репрессий на бывшем здании НКВД в Твери. Академики назвали демонтаж табличек «реабилитацией сталинизма» и попыткой придумать «новую версию нашей истории». «Подписавшиеся считают, что если Россия спра-

ведливо обращает внимание на попытки других стран пересмотреть итоги Второй мировой войны и исключить СССР из числа стран-победительниц, то она не имеет морального права отрицать факты собственной истории».

11 мая Федерация Катынских семей выпустила открытое письмо в связи с демонтажом этой доски 7 мая 2020 года. ФКС — польская общественная организация, по инициативе и при участии которой в 1992 году на фасаде здания Тверского медицинского государственного университета была установлена мемориальная доска в память о тысячах расстрелянных в 1940 году польских военнопленных. Публикуем перевод на русский язык, сделанный А.Памятных.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ФЕДЕРАЦИИ КАТЫНСКИХ СЕМЕЙ

Весной 1940 года в здании НКВД в Калинин были убиты 6287 польских военнопленных, содержащихся в спецлагере в Осташкове. Погибли польские полицейские, военнослужащие Корпуса Пограничной охраны, пограничных войск и тюремной службы, люди, служившие Речи Посполитой. Жертвы Катynского преступления.

Около 30 лет тому назад, благодаря настойчивости семей Жертв, на здании в нынешней Твери была установлена мемориальная доска, которая должна была наглядно и однозначно противодействовать катынской лжи и отдать честь Убитым. Это место гибели наших Отцов, Дедов и Прадедов стало ме-

стом паломничества Катынских семей, подобно Военному кладбищу в Медном, где они покоятся.

И в год 80-летия Катynского преступления, накануне Дня памяти об окончании Второй мировой войны, в ясный день катынская ложь вернулась: мемориальную доску в Твери сняли. Российские власти малыми шагами стремятся стереть историческую правду и отбросить ответственность за массовые убийства поляков в 1940 году.

Федерация Катынских семей призывает польские власти и польскую дипломатию немедленно предпринять решительные действия во имя правды и защиты польской государственности. Просим неправительственные организации и всех людей доброй воли поднять свой голос в связи с этим событием. Мы погружены

в повседневные заботы, но нельзя поддаваться, когда политика хочет лишить нас исторической правды. Не забудем!

Изабелла САРИУШ-СКОМПИСКА,
председатель Правления Федерации Катынских семей.
Краков

Ранее, 8 мая, Совет по правам человека при президенте РФ обратился в Генпрокуратуру РФ с просьбой проверить обоснованность снятия мемориальных табличек в Твери. В Совете по правам человека считают этот демонтаж неправомерным. «В указанном представлении [районной прокуратуры] не содержится убедительных доводов относительно необходимости демонтажа мемориальных табличек, тем более в канун 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Решение властей города Калинина 1991 года об установке табличек продолжает действовать, органами прокуратуры не предпринимались никакие меры по его отмене», — говорится в сообщении на сайте Совета.

Посол Польши в Москве Владзимеж Марчиняк отметил, что ситуация может перерасти в серьезный международный скандал и в целом отражает важные тенденции. «Это вопрос исторического самосознания, исторической памяти самих россиян».

По материалам интернет-издания «7x7», газеты «Коммерсантъ», сайта СПЧ

На снимке: Демонтированные 7 мая 2020 года мемориальные доски в Твери. Скриншоты видеозаписи на канале tvnnews.ru в Youtube.

О ПОПРАВКАХ В ЗАКОН О РЕАБИЛИТАЦИИ

«Международный Мемориал» направил свой отзыв с подробными разъяснениями к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», который предложило Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Законопроект Минстроя направлен на исполнение Постановления Конституционного суда РФ от 10.12.2019 года № 39-П. В этом постановлении Конституционный суд признал, что положения статьи 13 Закона о реабилитации во взаимосвязи с иными положениями не соответствуют Конституции. «Мемориал» полагает, что законопроект Минстроя не исправляет проблему с законодательством.

Напомним, 10 декабря 2019 года в Конституционном суде РФ состоялось открытое заседание, в рамках которого рассматривалось дело Алисы Мейснер, Елизаветы Михайловой и Евгении Шашевой — трех заявительниц, реализующих свое право вернуться на прежнее место жительства, утраченное в результате репрессий. Все три женщины относятся к категории детей, родившихся в местах лишения свободы, в ссылке, высылке или на спецпоселении, и являются реабилитированными жертвами репрессий. Согласно статье 13 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», дети репрессированных, семьи которых лишены жилища в связи с репрессиями, имеют право вернуться на прежнее место проживания.

Но на своем пути к возвращению в Москву заявительницы столкнулись с ограничениями и отказами, которые стали возможны в силу противоречий, существовавших между статьей 13 Закона «О реабилитации» и несколькими пунктами жилищного закона Москвы № 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения».

«Международный Мемориал» обращался в Конституционный суд в поддержку жалоб Алисы Мейснер,

Елизаветы Михайловой и Евгении Шашевой.

Решение по этому делу в декабре 2019 года было очень обнадеживающим: суд вынес постановление о несоответствии Конституции РФ ограничений жилищных прав детей репрессированных. Рассмотрев ту самую статью 13 Закона «О реабилитации» и жилищный закон, суд установил, что в правоприменительной практике их сочетание препятствует возмещению вреда реабилитированным. В постановлении суда было сказано и о необходимости незамедлительно разработать на федеральном уровне специальный механизм, который бы урегулировал реализацию права реабилитированных жертв репрессий вернуться домой.

На федеральном уровне изменения должны были коснуться статьи 13 Закона «О реабилитации» жертв политических репрессий». Подготовить их поручили Минстрою.

В итоге предложенные ведомством поправки решают только часть противоречий, мешавших жертвам репрессий реализовать свое право вернуться домой. Более того, проект снова отдает регионам возможность выносить решение об обеспечении репрессированным жильем.

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА» ЯНА РАЧИНСКОГО

Во-первых, законопроект запрещает регионам устанавливать критерии проживания, имущественного положения и наличия статуса нуждающегося в жилых помещениях. Однако не запрещает вводить иные критерии.

Хотя законопроект исправляет самые явные недостатки существовавшей системы обеспечения права жертв политических репрессий вернуться домой, но не исключает установление субъектами других ограничений, которые также мешают реализации прав реабилитированных.

Например, в Законе Москвы от 14 июня 2006 года № 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» есть следующие ограничения:

— условие об отсутствии у реабилитированных лиц и членов их семей иных жилых помещений, в отношении которых они обладают правом самостоятель-

ного пользования либо правом собственности;

— условие о несостоятельности за пять лет действий, повлекших ухудшение жилищных условий;

— условие о гражданстве РФ. Разработанный законопроект не запрещает регионам устанавливать дополнительные требования для постановки на учет реабилитированных. Такие требования не соответствуют постановлению Конституционного суда, так как будут мешать восстановлению прав реабилитированных.

Более того, так как законопроект оставляет разработку механизма реализации права вернуться домой на откуп регионам, регионы могут продолжать не принимать необходимые законы.

В республиках Карелия и Северная Осетия-Алания, в Хакасии, в Амурской, Ленинградской, Сахалинской областях, а также в Ненецком автономном округе не приняты нормативные правовые акты для установления порядка принятия на учет и обеспечения жилыми помещениями вернувшихся на прежнее место жительства реабилитированных лиц и членов их семей.

В Татарстане и Приморском крае отсутствие правил постановки на учет приводило к судебным тяжбам. При этом в Татарстане истцам отказали в постановке на учет, так как «в Республике Татарстан не принят закон, обязывающий органы местного самоуправления предоставлять жилье реабилитированным гражданам».

На наш взгляд, единственный выход из унылой ситуации с постановкой на учет реабилитированных и их детей — закрепить на федеральном уровне четкий порядок постановки на учет без передачи регионам права самостоятельно определять какие-либо условия, умаляющие права реабилитированных. Более того, именно такой подход наиболее соответствует постановлению Конституционного суда № 39-П.

Во-вторых, законопроект не устанавливает, что реабилитированные должны ставиться в особую очередь, а не в общую очередь на улучшение жилищных условий. Реабилитированные, так же как ветераны Великой Отечественной войны, — исчезающая группа в связи с их естественной убылью. При постановке на общую очередь их шансы реализовать право вернуться домой минимальны.

В-третьих, «Мемориал» полагает, что обязательства по финансовому обеспечению права реабилитированных вернуться домой должны быть федеральными, а не отнесены к бюджетам субъектов в силу трех причин.

Первая причина: это позволит избежать ситуации, когда регионы всеми правдами и неправдами пытаются уменьшить обязательства, устанавливая дополнительные требования для постановки в очередь.

Вторая причина: репрессии не были инициативой региональной власти. Они проводились по указанию центральной власти. Право вернуться домой по Закону о реабилитации жертв политических репрессий — это мера по заглаживанию последствий террора, устроенного и впоследствии осужденного центральной властью. Поэтому именно федеральная власть за счет федерального бюджета должна гарантировать заглаживание вины перед незаконно репрессированными.

Третья причина заключается в том, что у регионов разное благосостояние и наполняемость бюджета. Чтобы исключить саботаж регионами исполнения закона из-за отсутствия денег, «Мемориал» полагает, что финансовое обеспечение его исполнения должно идти именно из федерального бюджета.

На снимке: Ян Рачинский. Фото из архива НИГЦ «Мемориал», Москва

ТУЛЬСКИЙ «МЕМОРИАЛ» БЕЗ СЕРГЕЯ ЩЕГЛОВА

➤ Окончание. Начало на с. 1

боте на Норильском комбинате до особого распоряжения. Продолжал работать на комбинате, учился во Всесоюзном заочном политехническом институте. В 1955 году защитил диплом инженера-технолога по химическому производству. Заведовал научно-исследовательской лабораторией, затем был начальником завода по производству взрывчатых веществ и технического кислорода.

В 1959 году Сергей Щеглов был реабилитирован Верховным судом РСФСР. Переехал жить в Тулу, где работал начальником участка «Союзкислородмонтаж» на Новотульском металлургическом заводе.

В 1963 году осуществил свою мечту посвятить себя журналистике и литературе, пришел в редакцию газеты «Коммунар», ра-

ботал там до выхода на пенсию в 1984 году, затем в редакции газеты «Тульские известия» (1991–1997 годы).

В перестройку был одним из основателей Тульского «Мемориала», а с 1990 по 2018 год – его бессменным председателем. Но и позже, находясь дома, работал до последней минуты. Трудолюбие – его отличительная черта. На похоронах родные дарили присутствующим только что сошедшую с печатного станка последнюю книгу С.Л.Щеглова о его многолетнем друге и соратнике «Поэт-мыслитель на перекрестке времен. Документально-публицистическая повесть о жизни и творчестве Владимира Лазарева».

С ноября 1997 года – член совета, исполнительного комитета и координатор Конгресса ин-

теллигенции Тульской области. Член Союза журналистов СССР и России с февраля 1959 года, член Союза российских писателей с октября 2001 года.

В газетах, в том числе «30 октября», журналах, альманахах, сборниках Москвы, Ленинграда, Красноярска, Новосибирска, Горького, Тулы, Краснодара, Баку и других городов опубликовал свыше трех тысяч статей, очерков, корреспонденций, репортажей, рассказов, фельетонов, стихотворений, рецензий, две повести. Выпустил 14 книг – историко-краеведческих, литературоведческих, публицистических, документально-мемуарных. Главная тема творчества – политические репрессии в СССР, многие книги он подписывал псевдонимом Сергей Норильский в память о го-

дах, проведенных в Норильлаге. Более того, Сергей Щеглов был почетным гражданином Норильска.

За книгу «Сергей Степанов» удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского (1976 год). Вторично получил эту премию в 1991 году – за серию публикаций «Всех поименно назвать» (очерки о репрессированных по политическим мотивам). За книги «Сталинская премия» и «Не вечно зло, если добро много» Сергею Щеглову присуждена литературная премия имени Льва Толстого за 2000 год.

Вся общественная деятельность С.Л.Щеглова носила заметный социально значимый характер. Сергей Львович был очень внимателен к людям и их социальным проблемам. За время работы в Тульском обществе «Мемориал» он неуклон отстаивал права и законные интересы туляков – жертв политических репрессий, а также способствовал формированию патриотизма и гражданственности у молодого поколения жителей города Тулы. Он стал настоящим авторитетом в кругах тульской интеллигенции и яв-

лялся членом Общественной палаты Тульской области.

Результатом литературно-краеведческой деятельности С.Л.Щеглова стало привлечение внимания общественности к наследию великих тульских писателей и других знаменитых туляков. На его книгах и работах воспитывались многие поколения туляков.

Сергей Львович награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и другими медалями, почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. В 2005-м удостоен Ордена Доброты; в 2013-м – Почетным знаком Администрации города Тулы «За заслуги перед городом» 2-й степени; в 2015-м – 1-й степени.

Сергей Львович был внимателен к людям, и они платили ему той же монетой. То, что он был среди нас, его единомышленников, помогает нам в нашей жизни и позволяет не падать духом.

Владимир КУЛИКОВ,
Елена СЕРГИНА,
Тульский «Мемориал»

РЕГИОНЫ

КАК КАЗАКИ ИЗ КОЛХОЗА ВЫХОДИЛИ

Любопытные документы в музей истории Оренбурга принес человек с «редким» именем Александр Иванов, праправнук расстрелянного колхозника. В них сказано, что колхозники голодают, скотину отобрали, паек не дают и надумали они подать коллективное заявление о выходе из колхоза. Чтобы никого не обвинили, заявление написали по кругу, без подписей. Но виновных, конечно, нашли – братьев Ивановых – Федота и Антона!

В Книге Памяти жертв политических репрессий, изданной музеем истории Оренбурга в 2015 году, под номером 5615 – Иванов Антон Павлович 1880 года рождения, дело 00213, колхозник села Артемьевка Абдулинского района, приговорен 15.09.1932 г. тройкой ПП ОГПУ по Средневолжскому краю к 2 годам ИТЛ. Реабилитирован 22.08.1989 года.

А под номером 5616 – Иванов Федот Павлович 1885 года рождения, дело 17548, работал в колхозе имени Литвинова Абдулинского района, приговорен 31.10.1937 г. тройкой УНКВД по Оренбургской области к ВМН. Реабилитирован 23.08.1989 года. Вот и вся история с выходом из колхоза.

О том, как жили казаки в колхозе, я могу рассказать на опыте моей семьи. Моя родная Кардаиловка Кваркенского района Оренбургской области тому яркий пример. Наш дед имел свою землю на реке Гусихе. Это степная речка – тихая летом, бурная весной. Плодородная земля давала пшеницу, горох, овес – словом, то, что кормило казаков. Никто никогда мне не говорил, что это земля наша – казаков Кравцовых. Был стан-карда¹ с навесом, куда сыпали зерно, потом туда загоняли осенью свой скот, укрывали от дождя. Овечий кизяк² мы резали с мамой, когда туда загоняли уже колхозных овец, и мама рассказывала, как работала в старое время.

А отец мой рассказывал, как он искал колхозную лошадь, зашел в пустую карду и увидел там спящего волка. Со страху огрел его кнутом – и они с волком разбежались в разные стороны...

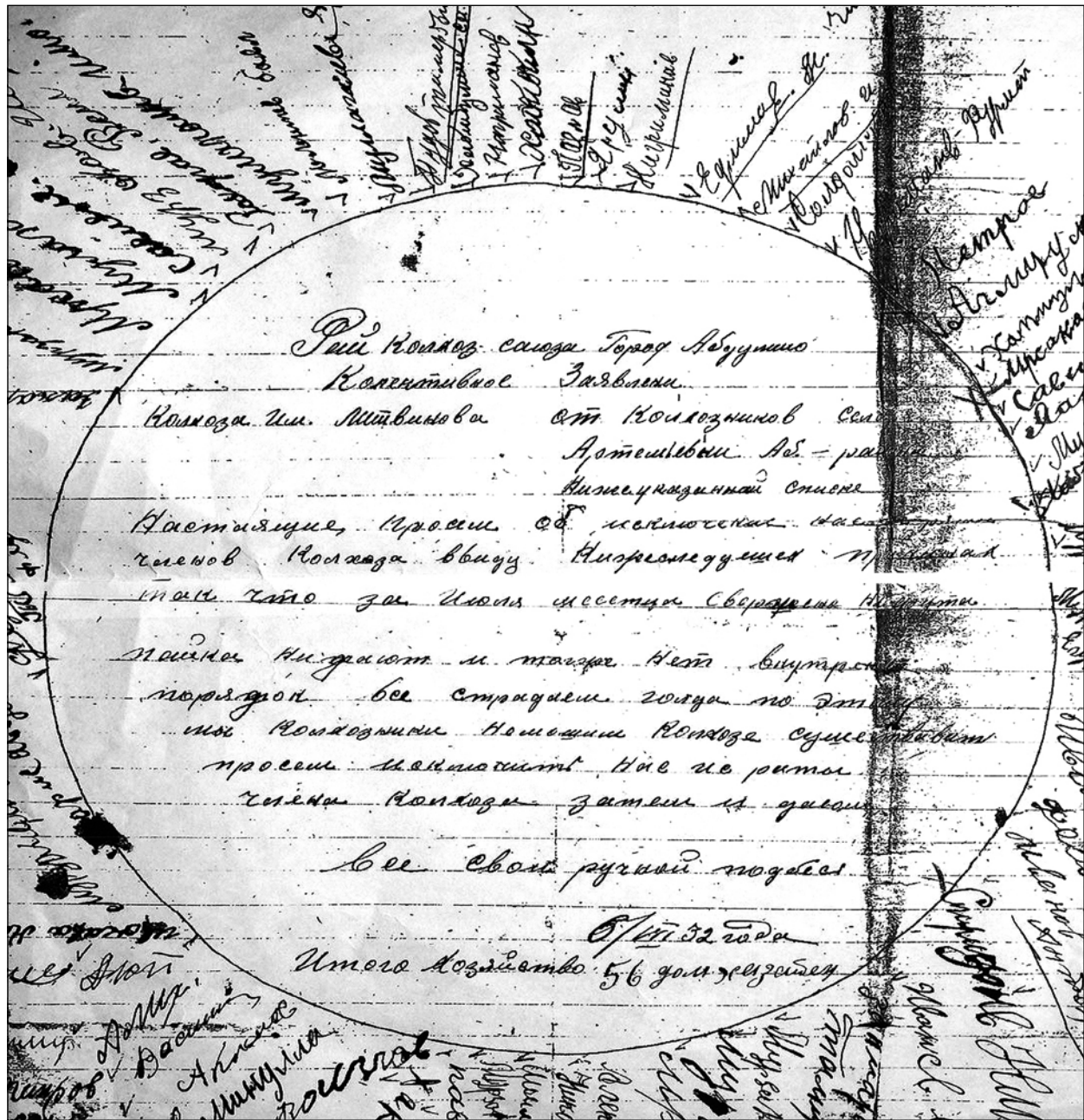
Рассказы о волках в деревне самые интересные и нужные... Главное из

них выяснилось, что казачья карда принадлежала моему деду. А моя бабушка Агафья, рассказывая тоже о встрече с волком, упомянула, что у родственников жены старшего сына была своя мельница в селе Кизил. Бабушка понесла обед на мельницу сыну Михаилу через поле и встретила с молодым волком. Выросшая в лесах Белоречка, она знала: не надо бежать! Остановилась, не шевелясь, и читала «Отче наш» и другие молитвы. Волк обошел ее вокруг и побежал дальше. Сын отвез ее назад на тарантасе, запряженном лошадей.

Агафья работала поварихой на заезжем дворе в селе Кизил. Там была ярмарка, куда казаки возили излишки хлеба. Позже, когда всех казаков загнали в колхоз и обобществили скот в коммуне, работала в столовой Кардаиловки.

Про то как работали в колхозе, я помню не по рассказам. Моя мама, Аграфена Яковлевна, дочь удалого казака Якова Семеновича Кравцова – участника Первой мировой, а потом колхозного конюха, работала на разных объектах от зари до зари. То они с женщинами обмазывают ферму, то детсад. На руках носили замесы глины с навесом. Или в январский холод возили с поля сено, которое не успевали привезти летом. Возили на быках три повозки друг за другом. Приезжали промерзшие до костей, руки сразу в воду, пока не отойдут. От холода не спасали платки и варежки!

Сестра мамы, Евгения, работала колхозной огородницей – поливала грядки озерной или родниковой водой. Огородники сами копали бороздки, по которым поливали капусту, огурцы. Босиком в мокрой земле целый день!

На снимке: письмо казаков о выходе из колхоза со следующим текстом (орфография сохранена):

Рай колхоз союза Город Абдулино
Коллективное Заявление
Колхоз им. Литвинова
От Колхозников села
Артемьевка Аб.района
Нижеуказанной списке

Настоящие просим об исключении нас
Членов Колхоза ввиду Нижеследующих причинах
Так что за июля месяца с/в/нифунта
Пайки недают м также нет внутренних
Порядок все страдаем голода поэтому
Мы колхозники неможем Колхоз существовать
Просим исключить нас ис ряды
Члена Колхоза затем и даем

Все свои ручные подписи
6/III 32 года
Итого хозяйство 56 домо хозяйств

Фото из архива Оренбургского «Мемориала»

1. Плетеный или бревенчатый загон для скота без крыши.
2. Прессованный, с примесью соломы навоз, употребляемый в степных и южных районах как топливо и для сельских построек

Роза ЧУБАРЕВА,
Оренбургский «Мемориал»

ПОЧЕМУ ПРИВИДЕНИЯ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

➤ Окончание. Начало на с. 8-9

то способных на него ответить уже нет в живых. Почему мы не догадывались спросить? Потому что для нас самих эта тема была травматичной.

Нарушенными отношениями в семьях. Прежде всего, между нами стояла ложь. С одной стороны, ложь была защитной. С другой стороны, она мешала понимать родственников и сочувствовать им. Много лжи. Например: прадед, которого «на собрании» решили отправить работать на канал, потому что там «требуется инженеры». Дом в центре Пятигорска, который «продали». Не продали, а отняли два дома: в Минводах и Пятигорске. И еще раньше у родителей прабабушки отняли магазин женской одежды.

Кстати, оценить другого своего деда, который прошел всю войну от начала до конца, интересно было им, узнавать о нем я смогла только, когда узнала прадеда, которого посадили. И дело не только в том, что он, как многие ветераны, не любил говорить о войне. А еще и в том, что мама (отца которой арестовали на фронте) всегда говорила: «Твой дед — не настоящий ветеран. Он в штабе всю войну просидел». Я так всегда и думала. Когда дед давно уже умер, оказалось, что воевал и что воспоминания у него были. Тетя рассказывала мне, как шофера отправляли, чтобы он ехал по полю, и

ющих «неправильные» мнения. В виде желания твердой руки. А наша склонность верить в хорошие и плохие страны и народы помогает избежать тревоги: творить несправедливость может кто угодно, но не мы. А значит, все, что может с нами происходить, — хорошо. Потому что трудно признать, что в собственном народе, как и в других, есть способность к добру и злу. Но если мы способны назвать сталинизм злом, мы тем самым не называем свой народ плохим. Просто мы можем быть бдительными, понимая, что разбудить в народе зло — это реально.

Так что, если нам даже прямо не говорили о репрессиях, память о них в нас жила и продолжает жить. Более того. Мы намного меньше контролируем то, что же эта память с нами делает, если отказываемся про это думать, понимать, знать.

И снова правда, которую нас учили не видеть

В годы моего брежневского детства существовала некоторая иллюзорная однородность советского общества. В последние годы для меня стала большим открытием его неоднородность, которая была скрыта за той историей, которую мы учили в школе, за ее выборочной подачей материала. Среди нас живут потомки узников ГУЛАГа и чекистов. Раскулаченных и тех, кто раскулачивал. Белых и красных. Большевиков и других революционеров (меньшевиков, эсеров,

Часто такой человек для семьи исчезал. Не только забиралось доброе имя. Вообще пустота образовывалась на месте человека. Чем она прикрывалась? Иногда молчанием, как будто такого человека не было. Часто ложью: «погиб на войне», «пропал без вести» или недосказанностью: «рано умер».

смотрели: откуда немцы начнут стрелять, там они, значит, и есть. Я это услышала и снова не поверила, что мой дед так ездил. Я же думала, что дед никогда не воевал по-настоящему, хитрый был, берег себя. Прошли годы, мы как-то с тетей разговаривали, снова вспомнили об этом. Я спрашиваю: «Дед ведь сам так не ездил?» А тетя удивилась и говорит: «Конечно, он и ездил. Он ведь был шофером». К сожалению, родная репрессированного деда повлияла на мое отношение к деду-ветерану, пока он был жив, и потом надолго — на мою память о нем, когда его уже не было. (Прости, дед. Я была к тебе несправедлива.)

Повторение травмы в жизни современных людей

Незавершенность ситуаций, непроработанность травм сказываются на жизни потомков репрессированных и их семей. Вот про такие ощущения в связи с незавершенной ситуацией, не отомщенной семьей, и писали истории с привидениями.

Как уже говорилось, ложь и семейные тайны создают дистанцию между членами семьи. Я предполагаю, что история пережитых репрессий может сделать более вероятным семейное насилие (когда воспроизводится ситуация, в которой есть те, кто карает, и те, кого нужно покарать). В таком виде живет память о том, что забыто. Память, которая не проговаривается, будет вновь и вновь проживаться. Потому что она стремится осознаться и проговориться, прозвучать.

Такой риск существует и на уровне общества. В виде готовности разыграть репрессии не только в семьях, но и в стране. В виде готовности ненавидеть людей, име-

анархистов). Рабочих и «буржуев». События последнего времени стали драматично это обнажать. Можно предположить, что, если бы истории разных слоев общества и их беды не замалчивались, сейчас мы были бы во многом другими людьми и наблюдали бы большее единство (хотя и не абсолютное, конечно) общества. Подлинное единство, а не единство советского типа, основанное на умалчиваниях и лжи, на неприязни к тем, кто говорит неудобную правду.

Что с этой неопределенностью делать? Люди зачастую не отдают себе в ней отчета. Люди приходят к психологам и не знают историю своей семьи. В повседневной жизни я стала иногда упоминать тему сталинских репрессий в разговорах со старыми друзьями и знакомыми и неожиданно узнавать, кто из давно знакомых людей потомок репрессированных. Для людей само по себе то, что об этом можно сказать, — сюрприз. И часто их реакция — благодарность.

Об истории советских репрессий важно говорить и писать. Чтобы сформировать язык для такого разговора. Чтобы люди усвоили этот язык и в конце концов смогли выразить и осмыслить невыносимый опыт. Пока опыт не осмыслен, он продолжает существовать на бессознательном уровне, во многом властвуя над нами и определяя нашу жизнь.

Татьяна ЛИТВИНОВА

На снимках: Татьяна Литвинова. Прадед автора — Александр Гаврилович Семенов: «Этого человека в семье любили, помнили, фотографии берегли»: 1930 г., в форме железнодорожника. 1931 г., прадед — слева.

Фото из личного архива Татьяны Литвиновой

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ЗЕРКАЛО

22 апреля Московский Центр Карнеги провел онлайн круглый стол «Мобилизованная память: история как оружие», транслировавшийся в прямом эфире на Youtube. Российская власть использует историческую политику как едва ли не главный инструмент для политической мобилизации населения и поддержания рейтингов. Битва на полях памяти становится все более агрессивной и ожесточенной.

Поводом для дискуссии стала статья Андрея Колесникова «История под ружьем: несекретная война Кремля», в которой автор анализирует историческую политику российской власти: каковы основные элементы исторической политики, пропаганды и мифологии и как эта политика соотносится с реальностью.

Фактически все выступавшие разделились на оптимистов и пессимистов. Андрей Колесников отметил, что у власти для мобилизации населения в свою поддержку не осталось ничего, «кроме истории». «75-летие Победы представляет собой фактический клей нации», — отметил он, подчеркнув, что, помимо истории войны, мифологизации подвергаются также сталинские репрессии и история России в 1990-е.

Появляются и новые формы этой политики — «война архивов» («Министерство обороны публикует документы о Варшавском восстании [1944 года] для того, чтобы показать, какое оно было неподготовленное»), снос памятников (имелось в виду тогда только готовившееся удаление мемориальных досок в память о советских и польских гражданах — жертвах НКВД в Твери) и «конкуренция жертв» в Сандормохе.

Колесников специально обратил внимание на поддержку властями ревизионистов, выступающих против общепринятой трактовки этого дела в пользу советской пропагандистской версии: «Возвращаются и советские клише о Катыни. Сначала изгоняется знание о том, что произошло на самом деле (а большая часть людей и так не очень помнит, что произошло в Катыни), а затем внедряется новая (она же старая) государственная версия». Позже Андрей Колесников призвал обратить внимание на появление ряда региональных нарративов, привносящих к конфликтам с другими регионами, вроде калужского празднования «Стояния на Угре», которое недавно пытались сделать общенациональным праздником, что вызвало возмущение в Татарстане.

Историк, журналист, член Комитета гражданских инициатив Николай Сванидзе выступил в более пессимистическом ключе. Он отметил значительные масштабы государственной пропаганды, рисующей Россию прошлого как

«страну счастливых героев», и то, что власти не доверяют озвучивать свои тезисы профессиональным историкам, что говорит об их недоверии к ним. «Нам предстоит очень большая борьба за то, чтобы профессиональным историкам было позволено изложить свои позиции и работать с массовой аудиторией», — заключил он.

Историк Леонид Млечин заметил, что в приукрашивании истории заинтересовано и само население страны. «Все в прошлом должно быть прекрасно — это важно для общества в целом: ведь будет неприятно узнать, что твой дедушка (или, что сейчас уже более актуально, прадедушка) делал что-то, что тебе бы не понравилось. Значительная часть аудитории желает видеть себя в зеркале истории красиво, без струпьев и угрей. Если изображение в этом зеркале не понравится — принесем другое», — сказал он. Однако с подобной проблемой сталкиваются далеко не только постсоветские страны, но и, к примеру, Япония, так и не прошедшая процесс переосмысления своих военных преступлений. Млечин высказал мнение, что, к сожалению, у большинства молодых людей «в голове сидят самые примитивные представления о прошлом».

И Леонид Млечин, и Андрей Колесников говорили и о новом культе Сталина. Млечин рассказал о встрече с молодыми людьми, полагающими, что при Сталине «коронавирус не перешел бы границы России». А Колесников напомнил, что, согласно социологическим опросам, Сталин уже много лет входит в топ самых выдающихся россиян, деля там первые места с Лениным, Путиным, Пушкиным и Петром I. «Что должно произойти, чтобы сменился этот пантеон героев?» — задался он вопросом.

Александр Рубцов, руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН, охарактеризовал нынешнюю историческую политику властей как политику нарциссизма. «С нарциссом бесполезно разговаривать с помощью аргументов — он заикнется на своем грандиозном «Я», — отметил он.

Наиболее ярким оптимистическим выступлением стала речь Никиты Соколова, историка, заместителя исполнительного директора Президентского фонда Б.Н.Ельцина, который подчеркнул, что на поле исторической памяти действует несколько игроков и даже государственная власть не является в этом смысле монолитной. «У федеральной, региональной и местной власти разные интересы, и они не всегда совпадают, когда федеральная власть

хочет кого-то увековечить, но не может из-за сопротивления местных властей», — отметил он. В качестве примера в комментарии для «30 октября» Никита Соколов рассказал историю с памятником адмиралу Колчаку в Иркутске, который, по его словам, местные власти сносят при том, что на общероссийском уровне как раз ведется линия на героизацию Колчака.

Еще одним заметным игроком, по мнению Никиты Соколова, является гражданское общество, проявляющее все больше интереса к истории. «Об этом говорит и успех Ельцин-центра в Екатеринбурге, который пытается держать научное поле и пользуется значительным спросом со стороны населения. Ровно то же и с конкурсом школьных работ «Мемориала» — уже четыре года на него организуются прямые атаки со стороны представителей федеральной власти, а количество работ не сокращается. И приходят они из самых «медвежьих уголков». Значит, эта история пользуется колоссальным спросом», — отметил он, подчеркнув, что именно гражданское общество отбило попытки насаждения прославлявшего Сталина учебника Филиппова в 2007 году и введения единого учебника по истории в 2013 году. «Общество учится отбиваться, и я смотрю на это с большим оптимизмом», — заключил Соколов.

Позже, отвечая на вопрос Андрея Колесникова о возможности смены пантеона героев, где обязательно присутствует Сталин, Никита Соколов отметил, что «разговоры о прошлом — это разговоры о будущем, споры о героях прошлого — это споры о моделях будущего». «Как только мы договоримся об основах бытия в настоящем, многие исторические проблемы тут же уйдут на второй план», — считает он.

Историк, профессор факультета политических наук Европейского университета в Санкт-Петербурге Иван Курилла поддержал Соколова, заметив, что недоверие к историкам, о котором говорил Николай Сванидзе, — это признак слабости государства. Отметив, что государство пытается проводить все большую «сталинизацию» нарративов, Иван Курилла полагает, что в сфере исторической памяти еще «предстоит большая битва».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Участники «круглого стола»
Николай Сванидзе, Леонид Млечин,
Андрей Колесников

ВОСПРИЯТИЕ ТЕМЫ ГУЛАГА В ИТАЛИИ И ФРАНЦИИ

На YouTube-канале «Международного Мемориала» в марте 2020 года появилась лекция профессора Флорентийского университета, доцента по русской литературе Клаудии Пьералли, посвященная восприятию темы ГУЛАГа в Италии и Франции во второй половине XX века.

11 марта в помещении «Международного Мемориала» должна была состояться лекция профессора Флорентийского университета, доцента по русской литературе Клаудии Пьералли «Восприятие темы ГУЛАГа в Италии и Франции. Нарративы, свидетельства, культурные репрезентации» в рамках цикла «Поверх барьеров — Европа без границ», организованного при поддержке Представительства ЕС в России. Однако из-за ограничительных мероприятий, введенных из-за эпидемии коронавируса, лекция была перенесена в онлайн.

В предисловии к лекции Клаудия Пьералли отметила, что лекция основана на результатах научного проекта «Отражение ГУЛАГа в франко-итальянской культуре» под руководством Клаудии Пьералли и Любы Юргенсон (Университет Сорбонны, Франция), первым, но, как надеется сама исследовательница, не по-

следним результатом которого стала книга «Lo specchio del Gulag in Francia e in Italia. 1917-1987», вышедшая в издательстве Университета Пизы в 2019 году. «Наш проект, основываясь на истории культуры и литературы, показывает, что это явление означало для всей Европы и что мы можем — если можем — выучить», — подчеркнула она.

В своем выступлении Клаудия Пьералли вначале обратилась к вопросам терминологии. Она отметила, что 1987 год неслучайно был выбран в качестве замыкающей даты, поскольку на него приходится прекращение последних серьезных политических репрессий (именно тогда в Москву из ссылки был возвращен академик Сахаров), отметив, впрочем, что есть и альтернативная версия, отраженная в законе «О реабилитации жертв политических репрессий», согласно которой период репрессий нужно продлить до 1991

года. Также она заметила, что при различных написаниях под термином «ГУЛАГ» могут пониматься как конкретное учреждение — Главное управление лагерей, существовавшее в 1930–1950-х (в этом случае пишут «ГУЛаг»), так и общая репрессивная система.

Коснувшись восприятия репрессий в Европе, Пьералли подчеркнула, что многие воспринимали это как нечто далекое и внеевропейское. «Они говорили, что это происходит за «железным занавесом», где-то в Евразии, где-то далеко, отодвигая это едва ли не в экзотические места. «Но ведь речь шла о явлении, имеющем европейские корни, да и Россия — не чужая нам страна», — отметила она, заявив, что подобной изоляции во многом способствовали культурные клише об уникальности России, мистическом измерении ее пространств и так далее. Была и противоположная тенденция, рассматривавшая советские репрессии как прямое продолжение репрессий царской России, что, по мнению Клаудии Пьералли, также не совсем верно, поскольку речь шла об абсолютно новом явлении, куда более масштабном и систематичном.

То, что для исследования в рамках проекта были выбраны Франция и Италия, Пьералли объяснила несколькими причинами: в обеих странах были многочисленные свидетельства о ГУЛАГе (в том числе от эмигрантов и вернувшихся на родину репрессированных в СССР иностранцев), именно в Италии и Франции в послевоенный период существовали самые влиятельные в Западной Европе коммунистические партии и многочисленный слой влиятельных левых и лево-либеральных интеллектуалов, что обеспечивало бурные дебаты по теме советских репрессий. Она привела любопытный эпизод отголосков этих дебатов: когда в середине 1990-х в очень престижном

итальянском издательстве Einaudi должно было выйти собрание сочинений Варлама Шаламова, предисловие к нему предложили написать старому польскому эмигранту Густаву Герлинг-Грудзинскому¹, который успел побывать и в нацистских лагерях, и в ГУЛАГе. «Грудзинский написал прекрасное предисловие, в котором говорил о том, что рядом со всем известным нацистским режимом был другой, сталинский, проводивший массовые репрессии в определенные моменты. Издательство просто отказалось это печатать, и Грудзинский издал свое введение отдельным текстом в Неаполе в 1998 году», — подчеркнула Клаудия Пьералли.

Источниками для исследования были в первую очередь так называемые эго-документы: письма, дневники, мемуары, затем итальянские и французские СМИ и их архивы, — благодаря которым становилось понятно, как принималось решение о публикации (или не публикации) тех или иных статей и документально-художественной прозы (в том числе переводов Варлама Шаламова). Клаудия Пьералли отметила, что из-за отсутствия каких-либо документов именно эта литература (которую начали переводить в Италии в 1970-е) приобрела большую убедительную силу.

Эго-документы представлены в первом разделе книги, построенной по хронологическому принципу. Второй раздел посвящен реакции французских и итальянских СМИ различной направленности на известия о репрессиях в СССР. Третий раздел посвящен судебным процессам, на которых доказывалась реальность репрессий. Для Франции таким делом стал процесс Виктора Кравченко, проходивший в 1949 году². «В послевоенное время во Франции публика была занята другими вопросами, открытиями и страшными знаниями о прои-

зошедшем. Но дело Кравченко ставило вопросы. Нельзя сказать, что французы об этом совсем ничего не знали — выходили даже книги, но одно дело публикации, а другое — судебный процесс. Это вывело вопрос о репрессиях на более официальный уровень и дало старт дискуссиям», — подчеркнула исследовательница.

Последний раздел книги «После Сталина» посвящен дискуссиям, вспыхнувшим в 1950–1960-е. В Италии это произошло в 1957 году, когда там случился аналог «дела Кравченко» — был издан роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», положивший начало дискуссии о репрессиях уже в Италии. «Это ставило вопрос о том, насколько соотносятся образ революционера и лагеря, преследования, репрессии, травля», — отметила Клаудия Пьералли.

Исследовательница подчеркнула, что для европейских интеллектуалов подобные дискуссии о советских репрессиях ставили под удар сложившийся в XVIII–XIX веках архетип революционера как «просвещенного освободителя». «Это делало тему еще более проблемной и недоступной для глубокого анализа», — заявила Пьералли, отметив, что для понимания темы нужен многоуровневый и междисциплинарный анализ.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. Густав Герлинг-Грудзинский (1919–2000) — узник сталинских лагерей как член подпольной польской организации (в 1940–1942 годах), написал об этом книгу «Иной мир» (на русском языке вышла в 1989 году), освобожден как польский гражданин, вступил в армию Андерса, выехал из СССР, воевал в Италии. После Второй мировой войны — политический эмигрант, одна из крупных фигур польской литературной эмиграции. С 1955 года жил в Италии. Почетный доктор Университета имени Адама Мицкевича в Познани (1991 год) и Ягеллонского университета (2000 год).

2. Виктор Кравченко (1905–1966) — советский чиновник, ставший невольником в 1943 году и оставшийся в США. Написал книгу «Я выбрал свободу», в которой содержалось описание коллективизации и голода в СССР. После публикации книги во Франции был обвинен во лжи прокоммунистической газетой «Les Lettres françaises», подал на нее иск о клевете. Процесс, проходивший в Париже, окончился убедительной победой Кравченко благодаря показаниям многочисленных беженцев из СССР, и нанес существенный ущерб советской пропаганде.

На снимке: Клаудия Пьералли.
Скриншот видеозаписи лекции

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

ПРЕДМЕТЫ С ИСТОРИЕЙ

«Международный Мемориал» и Фонд имени Фридриха Эберта подготовили выставку фотографий предметов из концлагерей. На апрель — начало мая приходится 75-летие освобождения войсками антигитлеровской коалиции в 1945 году основных нацистских концлагерей, располагавшихся на территории Германии и Австрии: Бухенвальда (11 апреля), Берген-Бельзена (15 апреля), Заксенхаузена (22 апреля), Дахау (29 апреля), Равенсбрюка (30 апреля), Маутхаузена (5 мая), Штутгофа (9 мая).

Представленные на выставке фотографии предметов из музеев Заксенхаузена и Равенсбрюка были сделаны австралийским фотографом Ричардом Визелем и немецким историком Робертом Зоммером. В 2018 году Визелем был предоставлен эксклюзивный доступ к закрытым архивам музеев Заксенхаузена и Равенсбрюка, где он получил возможность сфотографировать предметы, которые никогда не показывались публично. Он был так потрясен, что захотел рассказать о хранящихся там предметах, многие из которых были получены с помощью так называемой лагерной археологии. Исследования Роберта Зоммера помогли узнать истории предметов и судьбы их владельцев — бывших узников нацистских

концлагерей. Однако из-за ограничений, введенных с началом эпидемии коронавируса, выставка «Это личное. Предметы из концлагерей» превратилась в виртуальную.

Видеоэкскурсия, размещенная на канале «Международного Мемориала» на YouTube, начинается с обращения руководителя образовательных программ «Мемориала» Ирины Щербаковой. Она подчеркивает, что, хотя освобожденные концлагеря не были лагерями уничтожения, в последние месяцы войны там погибли от голода и болезней десятки тысяч людей. «Освободившие их солдаты увидели страшные картины того, что творилось совсем рядом с местами, где люди жили обычной жизнью», — отмечает Щербакова.

По ее словам, Германии потребовались долгие годы мучительной рефлексии для того, чтобы ее общество научилось «не просто ужасаться чудовищной статистике, но вслушиваться в то, что хотели и, возможно, уже не могли, рассказать, жертвы — и те, кто погиб, и те, кто выжил». Она специально подчеркивает, что для «Мемориала» судьбы узников концлагерей важны еще и потому, что освобождение в условиях сталинской системы несло им новые тяготы в фильтрационных лагерях с унижительными проверками, «которые для некоторых заканчивались ГУЛАГом или принудительным трудом на родине, а потом на долгие годы — клеймом в анкете и пятном в биографии». Говоря о представленных на выставке фотографиях, Ирина Щербакова отмечает, что за каждой фотографией «прячется уникальная судьба».

За ее выступлением следует четырнадцать коротких видеосюжетов, в каждом из которых кто-то из сотрудников «Мемориала» рассказывает о том или ином предмете, чья фотография представлена на выставке. Несколько предметов связано с бытом узников. Мы слышим о личной кружке, в которую можно было по-

пробовать набрать дополнительную порцию супа, о терке, на которой заключенные, собранные без еды во временном лагере под открытым небом в Беловежском лесу, растирали древесину на съедобные опилки. Значительная часть предметов с выставки связана со смертью или уничтожением. Прежде всего это банка с преловутым газом «Циклон-Б», использовавшимся для массового умерщвления людей (с рассказом о том, как немецкие лагерные администраторы преодолевали главную проблему с этим газом: он начинал «эффективно работать» только при температуре 25–26 градусов тепла, в результате чего жертвы умирали долго и мучительно). К этой же категории можно отнести найденную в Равенсбрюке помаду (как уточняет рассказчик, узницы использовали ее для того, чтобы придать себе более «цветущий вид» и не попасть в список на уничтожение на очередной «селекции»), платье девочки, родившейся в Равенсбрюке, но не прожившей и месяца, и плюшевого медвежонка, принадлежавшего мальчику-цыгану, которого «просто так» убил ударом приклада лагерный охранник. Специальный сюжет посвящен предмету, символизирующему ту машину насилия, которая обрушивалась на заключенных. Это дверная ручка здания Инспекции концентрационных лагерей, курировавшей все концлагеря Германии.

Некоторый налет авантюризма придадут выставке еще два экспоната. Прежде всего это башмак, в котором одна из заключенных пронесла в лагерь антифашистскую литературу. Наиболее веселый, если так можно выразиться, для такой выставки сюжет связан с фальшивой

почтовой маркой, пародировавшей британскую марку 1935 года, выпущенную к 25-летию юбилею правления Георга V. На марке изображен Сталин в виде карикатурного еврея и написано: «Эта война — еврейская война». Марка была создана спецкомандой из евреев-узников Заксенхаузена, печатавших фальшивые фунты стерлингов по заказу нацистов, которые надеялись подорвать экономику Великобритании. Напечатанная на подлинной бумаге для печатания английских марок, захваченной нацистами в Бельгии, она должна была вызвать у англичан прилив антисемитизма.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Экспонаты выставки.
Фото Михаила Кончица

